

Максим Горький. О Василии Слепцове

Оригинал здесь: [Народная Библиотека Максима Горького](#).

Крупный, оригинальный талант Слепцова некоторыми чертами сроден чудесному таланту А.П.Чехова; хотя Слепцов совершенно не владел вдумчивой, грустной лирикой, чутьём природы и мягким, однако точным языком Антона Чехова, но острота наблюдений, независимость мысли и скептическое отношение к русской действительности очень сближают этих писателей, далёких друг другу в общем.

Очерки Слепцова появились в те годы, когда в русской литературе особенно громко начали раздаваться голоса "кающихся дворян", зазвучала чувствительная исповедь потомков о грехах предков, – исповедь весьма многослойная, не всегда сердечная и едва ли уместная, ибо то, что называлось "грехом предков" ("отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина", Иеремия, 31, 29), было исторической неизбежностью, обязательным для всех народов этапом культурного развития и требовало не словесного раскаяния потомков, а их упорной борьбы с окаменелостями прошлого в мысли и деле, в быте и чувстве. Тогда разыгрывалось в русской литературе и под её влиянием в обществе второе действие странной романтической драмы, героями которой являлись, с одной стороны, влюблённая интеллигенция, с другой – бесчувственный народ, причём за подлинный народ принималось только большинство населения – крестьянство, другие же классы, например, рабочий, как бы не существовали и не замечались литературой. О народе литература говорила, как и надлежит влюблённой, повышенным тоном, стараясь подчеркнуть прежде всего положительные начала его психики и быта, невольно преувеличивая их, но в общем стремясь пробудить гуманное отношение к мужику, действительное внимание к деревне, что и было достигнуто литературой.

В это время Слепцов заговорил тоном спокойного наблюдателя о нелепой жизни мещанского городка Осташкова, – городка, который чудесным каким-то образом весь принадлежит купцу Савину, а купец, всесторонне грабя его, в то же время односторонне украшает ершами, весьма искусно вырезанными из дерева. Смысл этой исторически верной картинки развития внешней культуры, творимой русским хищником, который в течение столетия не мог избавить страну от ежегодных эпидемий тифа, но создал лучший в мире балет, – смысл этого умного очерка остался не понят публицистами и журналистами эпохи. Их сердечное внимание было направлено в сторону тысяч деревень, а сотни уездных городов русских – эти фабрики очень мелкой и скудоумной буржуазии, тупого, мёртвого консерватизма, устои коего ушли глубоко в недра каменного невежества, – эти города остались вне поля зрения либеральной и радикальной мысли, в стороне от благотворного влияния интеллектуальной силы.

После – в восьмидесятых, в 1905–6 годах – уездные гнёзда российской косности очень тяжко показали устойчивость своего быта, – социально-политическое значение этой устойчивости остается недостаточно понятым и в дни "великих реформ", принятых многими подобно трусу, мору, потоку и вообще "стихийным катастрофам".

Далее, в очерке "Владимирка и Клязьма" Слепцов рассказывает, как французы строят железнодорожный мост, как они ссорятся со своими инженерами и немножко издеваются над русскими; как рабочий-француз говорит начальнику своему: "Я вас уважаю, но – не боюсь", а тринадцатилетний мальчуган, попав на суздальскую Клязьму с французской Луары, говорит о Святой Руси: "Это край варваров".

Русак рассказывает Слепцову, как машинист-француз пускает "в рыло" главного приказчика строителей моста струю горячего пара, рассказчик безобидно смеётся над шуткой француза, а в это время другой русачок выманивает у иностранца несколько медных копеек – нищенскую сдачу с тех пудов русского золота, которые французы увезут на свою родину.

Работают французы, – описывает Слепцов, – народ всё крупный, такой основательный, надёжный, все с такими густыми, чёрными бородами, в тёплых мерлушковых шапках, в дублёных рукавицах. Прошёл какой-то начальник в енотовой шубе, – никто и ухом не повёл, никому до него и дела нет, всякий занят своим, прилаживают гайки, и всё это так просто, свободно, без криков и понуканий, покуривая сигарку, распевая песенки о своей прекрасной Франции... А там, внизу, под мостом, копошится народ: человек тридцать каких-то нищих всех возрастов, начиная с пятнадцати и до семидесяти лет, усиленно дёрпали измочаленный канат и тянули песню прекрасной России: